

Бунтъ черкасцевъ и каневцевъ въ 1536 году.

(Эпизодъ изъ жизни украинскихъ городовъ въ XVI в.).

Внутренняя жизнь южно-украинскихъ городовъ въ XVI столѣтїи мало изслѣдована. Между тѣмъ, этотъ періодъ исторїи Украины и, въ частности, украинскаго города представляетъ выдающійся интересъ какъ по богатству и разнообразію еще неиспользованнаго матеріала, такъ и по тѣмъ характернымъ особенностямъ мѣстной жизни, которыя впоследствии сдѣлались типичными для всего украинскаго народа.

Конецъ XV и начало XVI в.в. въ исторїи южно-украинскаго города являются эпохою борьбы городского населенія съ мѣстной правительственной властью—старостами за сохраненіе во всей его неприкосновенности стараго общиннаго строя жизни. Между тѣмъ быстрое развитіе литовскаго государства, а также политическія и въ особенности военно-стратегическія условія Украины, какъ пограничной области, настойчиво требовали измѣненія этого строя на новыхъ, болѣе выгодныхъ для государства началахъ. Столкновеніе противоположныхъ интересовъ мѣстнаго населенія и центральной власти повело къ долгой и упорной борьбѣ, которая дала совершенно неожиданные результаты, а именно— вмѣсто полнаго подчиненія городовъ правительственной опекѣ, вмѣсто кореннаго измѣненія стараго строя городской жизни на желательныхъ для правительства началахъ, борьба эта привела къ полному почти освобожденію городского населенія

отъ какого бы то ни было вліянія правительственныхъ агентовъ, къ «непослушству» и «сваволѣ». Съ обѣихъ сторонъ борьба велась очень упорно. Правительство, пользуясь всѣми преимуществами своего положенія, цѣлымъ рядомъ законопроектвъ и административныхъ распоряженій уничтожало одну за другою вредныя для его цѣлей формы городской жизни. Дѣлалось это большею частію не открыто, со ссылкой на необходимость тѣхъ или иныхъ мѣропріятій для общегосударственной пользы, а скрыто, путемъ секретныхъ распоряженій и указаній. Въ тѣхъ же актахъ, которые подлежали обнародованію, какъ, напримѣръ, въ разнаго рода грамотахъ и уставахъ, при всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ подчеркивалось желаніе «старины не рушать и новицы не вводить». Въ противоположность правительству, населеніе въ большинствѣ случаевъ открыто стояло за свою «старину», «стародавнии обычаи», боролось противъ «новины» путемъ жалобъ господарю великому князю на притѣсненія старость и намѣстниковъ господарскихъ, путемъ всякаго рода ходатайствъ. И только въ тѣхъ случаяхъ, когда исчерпывались чисто легальные способы борьбы, горожане прибѣгали къ способамъ нелегальнымъ, — къ «противенству» и «збуренію», т. е. къ неповиновенію мѣстной власти и возстаніямъ.

Различные эпизоды этой почти столѣтней борьбы служатъ обычной темой сохранившихся до нашего времени историческихъ документовъ.

Одинъ изъ этихъ эпизодовъ — «збуреніе» черкасцевъ и каневцевъ противъ своего старосты Василя Тышкевича — является предметомъ настоящаго очерка.

Послѣ смерти извѣстнаго въ исторіи старосты Черкаскаго и Каневскаго пана Остафія Дашкевича (1535 г.), на его мѣсто былъ назначенъ панъ Василій Тышкевичъ. Къ этому времени взаимныя отношенія между мѣстной властью и населеніемъ Черкасъ и Канева особенно обострились. Покойный староста, выдающійся военный дѣятель, своими административными мѣро-

пріятіями и излишнимъ усердіемъ въ соблюденіи общегосударственныхъ, а въ особенности своихъ личныхъ выгодъ, успѣлъ вызвать сильное недовольство среди мѣстнаго населенія. Воспользовавшись переменною главы мѣстной администраціи, черкасскіе мѣщане отправили къ королю и великому князю Сигизмунду I депутацію съ челобитной, въ которой подробно изложили всѣ притѣсненія, «кривды» и «новины», введенныя покойнымъ старостой Остафіемъ Дашкевичемъ. А поводовъ къ жалобамъ и нареканіямъ за свыше чѣмъ 20-ти лѣтнее управленіе Дашкевича Черкасскимъ староствомъ накопилось достаточно. Группируя изложенныя въ 17-ти пунктахъ дошедшей до насъ грамоты короля Сигизмунда I новому старостѣ Василю Ташкевичу¹⁾ жалобы черкасцевъ, приходится констатировать, что Дашкевичъ успѣлъ нанести городской общинѣ смертельный ударъ. Общность интересовъ, общинное пользованіе городскими имуществами и совмѣстное выполненіе государственныхъ податей и повинностей, установленныхъ стариннымъ обычаемъ, словомъ все, на чемъ до того времени держалась городская общинная жизнь, было уничтожено или измѣнено въ интересахъ мѣстной власти. Неудивительно, поэтому, то крайнее негодованіе, съ какимъ посланцы черкасцевъ докладывали королю о «великихъ кривдахъ» своего старосты. «Присылали до насъ, говорить грамота, войтъ и вси мѣщане мѣста нашего Черкасского, чоломъ быючи намъ о томъ, штожь дей якъ держаль отъ насъ тотъ замокъ Черкаскій небожчикъ панъ Остафей Дашкевичъ, ино дей въ тотъ часъ кривды ся великіи имъ отъ него стали». Не будемъ здѣсь подробно перечислять всѣ эти «великіи кривды», такъ какъ это заняло бы много мѣста. Въ краткихъ чертахъ «кривды» состояли въ томъ, что Дашкевичъ, вопервыхъ, собственною властью освободилъ многихъ изъ мѣ-

¹⁾ Грамота напечатана въ Архивѣ Юго-Западн. Россіи ч. VП т. 2 № XVII, но съ неполной и мѣстами искаженной копіи. Мы пользуемся текстомъ, имѣющимся въ Варшавской копіи Литовской метрики (кн. № 28, стр. 74—79). Исправленный текстъ грамоты даемъ въ приложеніи, возстановивъ литовско-русскій алфавитъ.

щанъ—общественниковъ («потужниковъ») отъ общихъ повинностей, разрѣшивъ имъ въ то же время пользоваться городскими землями, водами, лѣсами и т. п., что, само собою разумѣется, очень ослабило городскую общину; вовторыхъ, значительную часть городскихъ имуществъ роздалъ своимъ слугамъ и приближеннымъ, а также новымъ поселенцамъ, не привлекая ихъ въ то же время къ несенію общегородского тягла; въ-третьихъ, наконецъ, увеличилъ въ нѣсколько разъ старыя дани и подачки и, кромѣ того, обложилъ населеніе новыми налогами въ свою пользу. Резолюція короля Сигизмунда на челобитье черкасцевъ, изложенная въ вышеупомянутой грамотѣ, была въ общемъ въ пользу черкасцевъ, по составлена она въ такихъ неясныхъ выраженіяхъ, что могла вызвать, и дѣйствительно въ послѣдствіи вызвала, недоумѣнія и новыя распри между населеніемъ и старостами.

Правда, король отмѣнилъ почти всѣ «новины», установленныя Дашкевичемъ, и разрѣшилъ населенію платить и исполнять только то, что было установлено раньше «подле давнего обычая»; однако, уже одна ссылка на старину, на давніе обычаи, существованіе которыхъ всегда могло быть заподозрѣно, заключала въ себѣ достаточно поводовъ для будущихъ споровъ и разногласій. Помимо этого, въ резолюціи короля на первый планъ было выдвинуто не желаніе дать населенію тѣ или другія облегченія отъ податей и повинностей, а напротивъ, требованіе сохраненія финансовыхъ мѣропріятій Ост. Дашкавича и восстановленія утраченныхъ источниковъ доходовъ. «Про то, што ся дотычеть,—говорится въ резолюціи,—заховання стародавнего старостѣ Черкаскихъ, якъ ся они къ мѣщанамъ тамошнимъ справовали и которую уставу у службахъ и подачкахъ замковыхъ чымъ мѣвали, и естьли будутъ першыи старосты Черкаскіи што такового потребного замкового, на нихъ прислухаючого, небачностью своею упустили и досмотрѣти того не хотѣли и за которыми рожными прычыпами то ся похибило, и панъ Остафей, о чомъ ся справедливе довѣдавши, першой справы поправилъ и къ замку нашому пошлины давнии прывернулъ, мы такожъ хочемъ по тоби мѣти и прыказуемъ, яко старостѣ тамошному, ажъ бы еси пожит-

ковъ нашихъ, што будетъ здавна на замокъ нашъ прислухало, и всякихъ пошлнѣ повинныхъ ничымъ не впуцалъ и того пыльне смотрѣлъ, жебы никоторой службы и дачки и иншихъ повинностей и пожитка наши звѣчистыи одъ замку нашого ничымъ не сходили а ни ся уменьшали, и такъ бы еси въ томъ ся справовалъ, ижъ бы оный замокъ нашъ въ потребахъ своихъ не былъ ничимъ нарушенъ и вщербенъ, и намъ бы господарю теперь и на пришлый часъ жадной шкоды въ томъ не было, а тымъ бы поданни наши никоторого обтяжена въ речахъ необычайныхъ, што будетъ ку тяжкости имъ установено, большей того не мѣли и съ тое Украины ся не росходили».

Такое рѣшеніе высшей правительственной власти поставило новаго старосту въ весьма затруднительное положеніе. Съ одной стороны отъ него требовали сохраненія всѣхъ прежнихъ податей и повинностей, а съ другой—предлагали не отягчать населенія излишними поборами. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія, и притомъ самымъ выгоднымъ для мѣстной власти, было—продолжать политику своего предшественника. Дѣйствительно, дальнѣйшая исторія борьбы населенія съ мѣстной властью за свои права свидѣлствуетъ о томъ, что ни Василій Тышкевичъ, ни бывшіе послѣ него старосты и не думали уничтожать установленные Дашкевичемъ повинности и поборы; напротивъ, съ теченіемъ времени нововведенія, сдѣланныя Дашкевичемъ, были узаконены долготѣною практикою, какъ бы давностью, на которую могли сослаться старосты, и въ люстраціи 1552 года онѣ уже фигурируютъ въ качествѣ установленныхъ закономъ государственныхъ податей и повинностей.

Все это, конечно, не могло успокаивающе дѣйствовать на городское населеніе. Потерявъ надежду добиться правды легальнымъ путемъ, черкасскіе и каневскіе мѣщане перенесли борьбу на нелегальную почву. Вскорѣ послѣ полученія королевской грамоты случилось событіе, оставившее замѣтный слѣдъ въ мѣстной исторіи, а именно—населеніе двухъ сосѣднихъ городовъ, Черкаска и Канева, находившихся съ давняго времени подъ управленіемъ одного и того же лица (старосты Черкаскаго и Ка-

невскаго), открыто возстали противъ новаго старосты Василя Тышкевича. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени не опубликованъ документъ, въ которомъ были-бы описаны подробности этого событія; можно думать, что такой документъ и не сохранился до нашего времени. Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи документы, часть которыхъ уже была опубликована, описываютъ лишь послѣдствія этого бунта. Во всякомъ случаѣ, насколько можно судить по этимъ послѣднимъ документамъ, дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1536 году, вѣроятно вскорѣ послѣ возвращенія депутаціи отъ короля и полученія королевской грамоты, черкасцы взяли за оружіе и выгнали изъ города старосту Василя Тышкевича; къ нимъ присоединились и каневцы. Волненіе охватило всѣ классы мѣстнаго населенія—мѣщанъ, козаковъ и даже бояръ. Такъ, напримѣръ, въ бунтѣ были замѣшаны и признаны виновными черкаскіе бояре Иванъ Зубригъ, Берендей, Янъ Малыкъ-баша, Семашковичъ, Познякъ и Васько Ремень. Въ грамотѣ короля Сигизмунда Августа, данной 24 мая 1546 года черкасскому боярину Ивану Зубрику, говорится о томъ, что учрежденный для разсмотрѣнія дѣла о бунтѣ королевскій судъ призналъ поименованныхъ выше бояръ виновными и опредѣлилъ имъ наказаніе.

Впослѣдствіи Зубрику и другимъ боярамъ удалось доказать непричастность къ бунту; они были оправданы и наложенное на нихъ наказаніе снято¹⁾. Сильное подозрѣніе въ агитаціи въ пользу возстанія пало на проживавшаго въ это время въ Черкасахъ и имѣвшаго какія-то порученія отъ короля папа Яна Петровича Пенька. Къ нему было предъявлено обвиненіе въ томъ, что «якобы мѣлъ онъ того причиною быти и къ тому бунтованью ихъ (черкасцевъ) подводити»²⁾. Однако Пеньку также удалось впоследствіи оправдаться предъ королемъ.³⁾

1) Акты Южной и Западной Россіи. т. II. Приложение № 127.

2) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. 3. т. I, № III.

3) Тамъ же.

Возстаніе вспыхнуло совсѣмъ неожиданно для представителей мѣстной власти и повидимому грозило серьезными послѣдствіями не только для администраціи, но и для всей области. Поэтому рѣшено было снарядить настоящую карательную экспедицію и отправить въ Черкасы для усмиренія мятежа. По приказанію короля, изъ Кіева былъ высланъ въ Черкасы отрядъ служебниковъ кіевской роты подъ командою ротмистра. Когда отрядъ приблизился къ Каневу, каневцы сейчасъ же изъявили покорность, приняли отрядъ, снабдили провіантомъ и подводами. Напротивъ, черкасцы оказали упорное сопротивленіе, такъ что отрядъ, при наличности имѣвшихся у него средствъ, не въ состояніи былъ одержать побѣды надъ мятежниками и принужденъ былъ возвратиться въ Каневъ за артиллеріей. Въ это именно время произошло событіе, послужившее потомъ (въ 1542 г.) предметомъ судебного разбирательства. По словамъ представителя потерпѣвшихъ, служебниковъ кіевской роты, товарища ихъ Малженскаго, часть отряда была послана въ Каневъ за «стрѣльбою». Каневскіе мѣщане впустили ихъ въ городъ, а затѣмъ бросились на нихъ, начали бить и грабить. Въ результатъ служебники потеряли убитыми 8 человекъ, ранеными 2 и кромѣ того у служебниковъ Мартина и Лаврина Кравцовъ, Милкаша Кобыльника и Якуба Барверы пропали «ручницы, мечи и иныи речи». Это, такъ сказать, официальная версія. Совсѣмъ иначе происходило это дѣло, если вѣрить разсказу обвиняемыхъ—каневскихъ мѣщанъ. По ихъ словамъ, когда отрядъ проходилъ въ первый разъ черезъ Каневъ въ Черкасы, каневцы «имъ доброволенство чинили и стацыи давали». Спустя дня два служебники, вмѣстѣ съ служебниками В. Тышкевича, возвратились снова въ Каневъ въ полночь, «кгвалтовне, обычаемъ непріятельскимъ, острогъ проломили, ворота выбили, сторожовъ побили и всихъ насъ (мѣщанъ) сонныхъ безъ вѣсти наскочивши збили». Въ это время мѣщане, бывшіе въ замкѣ, прибѣжали на помощь своимъ потужникамъ и «выперли зъ острога кгвалтовниковъ тыхъ, а такъ, естгли имъ што въ тотъ часъ стало, то за ихъ початкомъ а нерадностію ихъ стало». На судѣ представители мѣщанъ—«потужники ихъ», войтъ Панко

Бродовичъ и Милко Зенкевичъ, обязавшіеся «достояти за нихъ права», сослались на давность, говоря, что «уже тому часть немалый минуль», а также и на то, что ни король, ни «врядники» его не признавали ихъ виновными до сего времени ни въ чемъ. Когда же Малженскій пытался опровергнуть показаніе Бродовича и Зенкевича тѣмъ, что служебники приходили не ночью, а «порану, на свѣтанни» за «стрѣльбою», то послѣдніе сослались на свидѣтелей—«ставили шапку до светковъ и мяновали шести мѣщанъ кіевскихъ, которы на онъ часъ тамъ въ Каневѣ были и видѣли то, што вышей менено, якося то дѣяло отъ служебныхъ оныхъ обычаемъ непріятельскимъ, въ ночи»; Малженскій же «шапку прыставити не хотѣлъ». Послѣднее обстоятельство, равносильное признанію своей неправоты, рѣшило дѣло въ пользу мѣщанъ. Судьи нашли «каневцевъ въ томъ правыхъ, и вжо то служебны оныи Боевъ а ни Головщынъ а ни шкодъ тыхъ пояскивати на нихъ не мають». ¹⁾ На судѣ выяснилась очень характерная не только для того далекаго времени подробность: отрядъ, посланный на усмиреніе, усмиряетъ не бунтующихъ черкасцевъ, а изъявившихъ покорность каневцевъ и учиняетъ настоящій погромъ.

Такъ закончился одинъ изъ эпизодовъ долготѣней борьбы городского населенія южной Украины съ мѣстной правительственной властью. Возстаніе было подавлено, но такъ какъ причины, послужившія поводомъ къ неудовольствію и открытому возмущенію, не были устранены, то усмиренные при помощи оружія мѣщане не долго оставались спокойными. Ближайшимъ результатомъ возстанія былъ уходъ старосты Василя Тышкевича. На его мѣсто былъ назначенъ папъ Янъ Петровичъ Пенько, игравшій, повидимому, во время возстанія роль если не агитатора, то ужъ навѣрное—провокатора. Но и при новомъ старостѣ отношенія населенія и мѣстной власти продолжали быть враждебными. Уже въ 1539 году, по приказанію короля, кіевскій воевода Ан-

¹⁾ Варшавская копія Метрики Литовск., кн. № 43 стр. 369—371; см, Приложение № II.

дрей Якубовичъ Немировичъ съ дворяниномъ господарскимъ Маркомъ Васильевичемъ выѣзжали изъ Кіева въ Черкасы разбирать жалобу черкасскихъ мѣщанъ на Яна Пенька.

Подобныя жалобы населенія на дѣйствія мѣстныхъ старостъ непрерывно продолжаютъ поступать къ высшей правительственной власти вплоть до 70-хъ годовъ 16 столѣтія. Къ нимъ, какъ особый видъ протеста, присоединяется бѣгство изъ Черкасъ цѣлыхъ мѣщанскихъ семействъ. Число недовольныхъ управленіемъ мѣстныхъ старостъ къ концу 16 вѣка все увеличивается; населеніе все чаще и чаще начинаетъ прибѣгать къ нелегальнымъ способамъ борьбы за свои стародавніе права и обычаи, и въ концѣ концовъ, громадное большинство мѣщанъ отказывается признавать надъ собою власть старосты и переходитъ въ разрядъ «непослушныхъ», которые никакихъ податей не платили и никакихъ повинностей не несли.

Андрей Яковлевъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Грамота короля Сигизмунда I черкасскому старостѣ Василю Тышкевичу объ освобожденіи черкасскихъ мѣщанъ отъ новыхъ пошплинъ, введенныхъ Евстафіемъ Дашкевичемъ.

«До Василя Тышкевича. Пришли (*присылали*¹⁾ до насъ войтъ и вси мѣщане мѣста нашего Черкаского, чоломъ бѣючи намъ о томъ, штожь дей якъ держаль отъ насъ тотъ замокъ Черкасы (*Черкаскій*) небожчикъ панъ Остафей Дашкевичъ, ино дей въ тотъ часъ кривды ся великіе (*великіи*) имъ отъ него стали: напервей въ томъ, ижъ которая братія ихъ весполокъ (*восполокъ*) зъ ними въ послугахъ и податкахъ нашихъ тягнули, тыхъ дей всихъ панъ Остафей у свою мощъ взялъ, оныхъ послугъ и подачокъ ихъ повинныхъ вольными вчинилъ и подводы подъ гонцы и послы казаль имъ самимъ давати и кожного дня на себе робити, дрова возити, сена косити, неводы и яншыи дей роботызны (*роботы ими*) замыслялъ, чого они передъ тымъ съ

¹⁾ Слова въ скобкахъ курсивомъ взяты изъ Варшавской копіи Литовск. Метрики, а текстъ—изъ копіи, напечатанной въ Архивѣ Юго-Западн. Россіи, часть VII, т. 2, № XVII.

продковъ своихъ не повинни були (*были*) робыты; а хто дей зъ нихъ звѣрь соби тамъ уловить або где ѣхавши рыбы добудеть и бобра убьетъ, и онъ дей съ того всего половину собѣ беретъ, чого передъ тымъ не бывало; а къ тому дей которыи уходы свои звѣчистыи, на имя Звонецъ Богаръ (*Боларъ*), они къ мѣсту мѣвали и того ужывали, и на Суле рыбы вольніе ловливали и зверь по всему Днѣпру бывали, и панъ Остафей дей тыи вси доходы ихъ и пожитки ихъ отъ нихъ отдалилъ и иншимъ дей людьомъ общимъ того вжывати доущалъ и зъ того соби поклонъ биралъ; а котори зъ нихъ кадью меду або рыбы добудеть, и онъ дей не доущалъ имъ до Кіева возити того продавати, и за то соби жита и иншихъ живностей куповати, и то все соби биралъ, якъ дей схотѣлъ, (*хотѣлъ*) такъ имъ то платилъ; и при томъ дей которыи входы свои за Днѣпромъ они мивали и того за первыхъ старостовъ тамошнихъ ужывали (*ужывали*), то дей вси панъ Остафей соби привлащилъ; а што дей они передъ тымъ кораванъ гостей возивали, ино дей панъ Остафей уставилъ (*себе зъ нихъ*) брати отъ (*чолну по золотому, а того дей передъ тымъ*) зъ стародавна николи не бывало; а колы дей они (*людей неприятельскихъ*) поганства татаръ зъ старостою Черкасскимъ погромять (*тогда дей*) выемка на нього бывала: панцеръ або конь, або татарынь, (*а онъ дей*) все на себе биралъ; а што дей тежъ козаки тамъ добывали, иншыи (*ино дей*) здавна пѣкоторой вымокъ старосте даивали, а иншыи соби брали, а панъ Остафей на себе привлащилъ; а коли дей хто зъ нихъ приедеть къ сторожнимъ воротамъ зъ поля або хочеть выѣхати зъ мѣста на дѣло свое, и онъ дей не казывалъ ихъ въ мѣсто въ часъ подобный выпущати, и въ томъ дей они не малую тяжность мѣвали; а къ (тому) дей которая корчма ихъ мѣсткая звичная за отца нашего Казимира и брата Александра славное памяти королей ихъ милости въ Черкасѣхъ бивала, а онъ дей тую корчму моцне у нихъ отнялъ и къ рукамъ своимъ ее держалъ; и за тымъ дей тотъ обычай у нихъ бивалъ: коли приедеть день Божого Нарождения,

ино дей передь тымъ они, пять або шесть парсунъ собравшихся, одну кунцу шерстью старосте нашивали, а панъ Остафей зъ кожного зъ нихъ и зъ наймиковъ (*наймитовъ*) ихъ и зъ козаковъ по купниці або по лисиці бираль, а хто бы кунци або лисиці не далъ, тогда зъ кожное головы по 12 грошей, а то дей все имъ есть было; и который дей мѣщанинъ тамошни умреть або его татарове возьмутъ, онъ дей весь статокъ его отъ жоны, отъ дѣтей соби бираль. А што ся дотычетъ роботы городовои, передь тымъ дей здавна на замокъ дрова возживали и воду ношивали особныи есочники на имя Шашко а Бедей (*Бибей*) и село Ирновы Мошны, а другое Домонтово село, тыи дей вси по недѣли годъ до году оную службу на замокъ служивали, а онъ дей тыи вси службы, чого они передь тымъ николи не знавали, на нихъ уложилъ, въ чомъ же ся имъ кривда и тяжкость великая дѣть. При томъ они жаловали намъ на слугу Черкаского Яска Тышкевича, штожь дей онъ, будучи и насъ при боку нашимъ (*въ насъ панъ Остафій*) упросилъ соби уходы (*ихъ звѣчистые на Тясьмени тридцать пасѣкъ*), а то дей здавна пасѣки ихъ звѣчистыи (*мѣсткѣи бывали и тепере*) дей (*онъ то къ рукамъ*) своимъ держить, а они жадного пожитку въ томъ соби не мають. Другий дей мѣщанинъ Черкаскій Зубриквичъ также пасѣки мѣщанскіи (*мѣсткѣи*) на себе забралъ и того имъ уживати забороняеть; а къ тому дей которыи поданыи наши тамошни Черкаскіи, будучи ихъ поплечниками (*поплечники*) (*и передь тымъ*) здавна посполъ зъ ними всякіе повинности мѣсткіе (*тянуми*), а теперь дей отъ нихъ ся откинули, а передь ся посполу съ ними всякихъ пожитковъ мѣсткихъ уживають, а ихъ (*они ихъ*) тяглей повинныхъ посполъ зъ ними полнити не хотять (*хочутъ*); и еще дей передь тымъ тотъ обычай межи ними бываль, ижъ который чоловѣкъ прихожий, або слуга старосты, у которого мѣщанина дочку поиметь, тыи дей вси мѣли всякихъ пожитковъ мѣсткихъ зъ ними уживати и во всякихъ службахъ и подачкахъ ровную часть имъ помогали, а тыми дей разы тыхъ

пожитковъ посполу зъ ними уживають, а въ службахъ и дачкахъ мѣсткихъ жадной помочи имъ не дѣлають; и тежъ дей которыхъ купцовъ Калинскихъ (*Кафинскихъ*) и иншихъ они провозивали и съ того соби проводное мѣвали, то дей все панъ Остафей на себе обернулъ.—И били они намъ чоломъ, абыхмо милосердіе наше надъ ними учинили, при старинѣ ихъ zostавили и не казали имъ надъ обычаи стародавнїи кривду чинити и новинъ уводити. Про то што ся дотычетъ заховання (*Заховання*) стародавнего (*Стародавнего*) старость (*Старость*) Черкасскихъ, якъ ся они къ мѣщаномъ тамолинимъ справовали, и которую уставу у службахъ и подачкахъ замковыхъ чимъ мѣвали, и естли будутъ першіи старосты Черкаскїи што такового потребного замкового на нихъ прислухающого небачностью своею упустили и досмотрѣти того не хотѣли и за которыми причинами то ся похибило, и панъ Остафей о чомъ ся справедливе довѣдався (*довѣдавши*), першой справы поправиль и къ замку нашому пошлины давнїи повернулъ (*привернулъ*), мы такожъ хотимъ по тоби мети и приказуемъ, яко старосте тамошному, ажъ бы еси пожитковъ нашихъ, што будетъ здавна на замокъ нашъ прислухало, и всякихъ пошлинъ повинныхъ ничимъ не виуцалъ и того пыльне смотрѣлъ, же бы никоторой службы и дачки и иншихъ (*инши*) повипностей (*повипности*) и пожитковъ (*пожитки наши звѣчистыи*) одъ замку нашего (*ничимъ не сходили а ни ся уменьшали*) и такъ бы еси въ томъ ся справовалъ, (*ижъ бы оны*) замокъ нашъ въ потребахъ своихъ не былъ ничимъ нарушенъ (*нарушенъ и вщербенъ*) и намъ бы господарю теперь и на пришлый часъ жадной шкody в час небытности (*въ томъ не было, а тыи бы*) подданои (*поддани*) нашей (*наши*) никоторого обяженя въ речахъ незвычайныхъ, (*што будетъ*) ку тяжкости имъ установлено (*установоно*), большей того не мѣли и (*съ тое Украйны*) прочъ ся не расходили; которыхъ людей поплечниковъ ихъ панъ Остафей въ свою мочъ взялъ и одъ послугъ и податковъ мѣсткихъ повинныхъ ихъ вызволилъ, (*а тыхъ бы*)

еси всіхъ къ мѣсту прилачилъ (*прилучилъ*) и казалъ имъ тыи вси потреби мѣсткіи посполъ полнити, абы они одни тяжкости и шкоды въ томъ не прыймовали; а бовѣмъ и рыба (*которыи зверь и рыбы*) они соби уловять и бобра хто убьетъ, въ томъ бы еси къ нимъ справедливе заховалъ подле давного обычая и входовъ ихъ звѣчистыхъ вживать имъ не заборонялъ. а кому будетъ што оныхъ входовъ ихъ роздано, тыи бы нехай въ службахъ и дачкахъ имъ помочныи были, а естли бы помагати въ томъ имъ не хотѣли, абы еси тыи входы къ мѣсту привернулъ и мѣщаномъ подалъ; тежъ которыи мѣщане Черкаскыи похочать соби медъ або рыбу и инчыи речи свои до Кыива на продажу провадыти и съ того соби живности тамъ купити, того бы еси имъ не заборонялъ и жадной кривды и трудности въ томъ имъ не чинилъ; а што ся дотычетъ воженія коровану. въ той речи бы еси ихъ по старому заховалъ и тяжкости и драпежства въ томъ бы имъ не було. Къ тому што бы еси въ иншихъ речахъ, яко въ добыткахъ татарскихъ и выемкахъ и въ той корчми мѣсткой, если будетъ передъ тымъ которая на мѣсто прислухала, и въ оныхъ куницахъ и лисицахъ, што они о Божимъ Нарожени дають, и въ есочнистви, (*есочнистве*) постарому ихъ заховалъ. А который мѣщанинъ тамъ замреть а жону и дѣтей зоставилъ, въ тыхъ бы еси змерлыхъ статки не казалъ никому ся уступати и самъ не уступалъ. А што ся дотычетъ пасѣкъ ихъ звѣчистыхъ на Тясмени и на иншихъ мѣсцахъ, хто будетъ ихъ держати, а потребу мѣсткихъ зъ ними не полнити, съ таковыми бы еси справедливость учинилъ и кривды никому въ томъ имъ чинити не допуцалъ. Далей если бы которыи поддани нашии Черкаскыи, або люди прыхожни и слуги тыи, што у небожчика пана Остафія служили и жоны соби въ Черкасѣхъ поимовали, уживаючи входовъ ихъ мѣсткихъ, и въ пошлинахъ тамошнихъ мѣсткихъ помагати имъ не хотѣли, (*таковыми бы не*) розказалъ (*казалъ*) тыхъ входовъ (*вживати, тотъ нехай посполъ зъ ными повинности мѣсткіе полнить, Што ся тежъ ткнетъ тыхъ купцовъ, которыхъ они будутъ*

провождати) и который пожитокъ съ того соби мѣти (*мѣли*), въ той бы (*еси речи также по давнему*) ихъ зоставилъ и во всякихъ обычаяхъ и справахъ справедливѣ (*слушне ихъ*) ся заховалъ и такъ радилъ и поступовалъ, яко бы вси повинности (*пожитки наши*) господарскія не были заронени и тыи поддании нашии мѣста Черкасъ (*нашими мѣщане Черкаснии къ*) до жадной тяжкости и убоztва (*убоztву*) не приходили и намъ бы большей того доуки не чинили конечно».

(Варшавская копія Метрики Литовской, книга 28, стр. 74—79. Даты нѣтъ. Помѣщена между документами 1536 г. 28 янв. и 3 февраля. Напечатана была съ показанными въ текстѣ измѣненіями въ Архивѣ Юго-Западн. Россіи, часть VII, т. 2, № XVII).

II.

Справа людей служебныхъ роты Кіевское зъ подданныи Каневскими о побите на смерть и иныхъ поранене слугъ ихъ и ихъ самихъ и о побране въ тотъ часъ немало речей.

«Жаловалъ отъ служебныхъ оты Кіевское товаришь ихъ Малженскій на подданныхъ господарскихъ Каневцовъ, а въ головахъ на Брода старого и на двухъ сыновъ его и на Жолудя и на Костю сына его и на Василія Лучника, на Онишка Керебердя, на Конашка Жедковича, на Дыдыну и на Сергеянки въ тотъ обычай: Перво сего кгда некоторая противность повстала была отъ Черкасцовъ противъ державцы ихъ папа Василя Тышкевича, п мы з розказаня господарского ходили тамъ на регунокъ, и Каневцы гды есмо к нимъ пришли, нас ко тебе (себе) въ острогъ упустивши и въбезпечывши, побили, поранили, и речи наши побрали, и забито тамъ ротмистру пахолка Юрка, а товаришу Лукашу поручнику пахолва Яна, Влостывскому пахолка Яна, Лаврину Калинѣ пахолка Высоцкого, Каспору пахолка Крышофа, Ярошу пахолка Мартина, Крыштофу Антоновичу брата, Чырвенскому пахолка Щепана, Станиславу писарю ранено двухъ пахолковъ, а Мартину а Лаврину кравцомъ, Милкашу Кобыльнику а Якубу барверу ручницы, мечы и иныи речи побрано.

На то отъ Каневцовъ потужники ихъ Панко Бродовичъ войтъ, а Милко Зенкевичъ, стоячи отъ всѣхъ потужниковъ своихъ Каневцовъ и подвизавшыся достояти за нихъ права, повелили въ тотъ обычай: гды служебники оныи шли на Каневъ до Черкасъ, мы имъ доброволенство чинили, и стацыи давали, и минуючи Каневъ, зобравшыся зъ служебники пана Васильевыми Тышкевича, веркулися къ намъ третее ночи, и пришедши на посадъ нашъ о полночи квалтовне обычаемъ непрятельскимъ острогъ проломили, ворота выбили, сторожовъ побили и всихъ насъ сонныхъ безъ вести наскочивши збили; а потомъ несколько мужовъ нашихъ, которыи были въ городъ, выскочивши намъ на ретунокъ, и выперли зъ острога квалтовниковъ тыхъ, а такъ естли бы имъ што въ тотъ часъ стало, то за ихъ початкомъ и нерадностію ихъ стало, а вже тому часъ немалый минулъ; а которую противность на онъ часъ учинили были Черкасцы, ино которыхъ зъ тыхъ винныхъ найдено, тыхъ тогдыжъ скарано, а насъ въ томъ не находили винныхъ, и до сего часу нехто, а ни господаръ его милость, а ни вранники его милости, которыи на тыи часы были тамъ надъ нами; и Малженскій противъ отпиряючы мовиль: не вночи, але порану на свитани прыходили есмо тамъ по стрельбу, хотячи взяти стрельбу тамъ зъ Канева зъ собою до Черкасъ; и Каневцы Цанко а Митко ставили шапку до светковъ, и мяновали шесты мѣщанъ кievскихъ, которыи на онъ часъ тамъ въ Каневѣ были и видѣли то, што вышей менено, яко ся то дѣяло отъ служебныхъ оныхъ обычаемъ непрятельскимъ вночи, а Малженскій шапку прыставити не хотѣлъ. Панове ихъ милости порозумѣвши, ижъ такъ перадпе а неслушне служебныи оныи на замокъ украинскій находили, про то знали ихъ милость Каневцовъ въ томъ правыхъ а вжо то служебныи оныи Боевъ ани Головщынъ а ни шкодъ тыхъ поискивати на нихъ не мають».

(Варшавская копія Метрики Литовской, книга № 43, стр. 369—371. Даты нѣтъ. Помѣщенъ между выроками начала 1542 г. 9 или 10 марта).